

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₇₎

ОСЕНЬ — ЗИМА

2007

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Обращение Поздней Цзинь к династии Мин.
Введение, комментированный перевод
с маньчжурского языка *Т.А. Пан* 5
- Ю. Клапрот. Ци цзя ту хэби* (Головоломка
из семи частей). Предисловие и публикация
Х. Валравенса (на англ. яз.) 21
- Л.Ю. Тугушева.* Фрагменты раннесредневековых
тюркских гадательных книг из рукописного собрания
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения
РАН. Публикация, транслитерация и перевод 37

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.И. Иванов.* Богобоязненность *ходящих прямыми
путями* (к вопросу о происхождении и точном
значении чжоуских категорий *дэ 德* и *вэй 威仪*) 47
- Е.В. Ревуненкова.* Малайская рукопись
Крузенштерна *Сулалат-ус-салатин* и ее
культурно-историческое значение (II) 78
- А.М. Соколов.* Эмиси — эдзо — айны. Айны в пределах
японских владений в средние века и эпоху Кинсэй
(области Цугару, Симокита [Хонсю] и Мацумаз
[Хоккайдо]) 97
- Д. Цолин.* Литературные формы библейской истории
Сотворения (Быт. 1:1–2:3) и их риторическая
интерпретация в таргумах 110
- А.С. Четверухин.* Материал для фоно-морфологической
реконструкции ряда египетских служебных морфем.
Предлоги (*j)t*, (*j)n*, (*j)r*) и их производные формы 119

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2007

На четвертой стороне
обложки:

Лист № 11 из китайского альбома
Х-7 (коллекция художественного
фонда СПбФ ИВ РАН)
после реставрации

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
Н.Г. Михайлова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
И.И. Чернышева
Е.А. Пронина
А.В. Богатюк

© Российская академия наук, 2007
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения, 2007

<i>И.Т. Канева.</i> Общевопросительные предложения в шумерском языке	140
<i>М. Кемпер.</i> Захваты текке и агиография Хаджжи Бекташа, Хаджжим Султана, Дамир Баба и Караджи Ахмада XV–XX вв. (на англ. яз.)	144
<i>К.В. Военец.</i> Древнеиндийская грамматика Aṣṭādhyāyī (Диалог поколений индийской лингвистической традиции)	168
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
<i>И.А. Алимов.</i> «Бэй мэнь со янь» Сунь Гуан-сяня (895? — 968): автор, сборник и персонажи	180
<i>О.Ф. Акимушкин.</i> Художник Касим ибн 'Али и рукопись РНБ «Ахсан ал-кибар» (Dom 312)	202
<i>А.М. Стрелков.</i> Новый источник изучения тантры Калачакра — сочинение «Шри Калачакра лагху тантра раджа хридая» в тибетском переводе	209
<i>Б.В. Норик.</i> Кати'и Харави и его антология поэтов императора Джахангира	220
<i>И.Р. Каткова.</i> Мусульманский мистицизм Западной Суматры (устная и письменная традиции)	235
<i>А.Л. Федорин.</i> К вопросу об истории ксилографирования канонических и исторических текстов во Вьетнаме	245
КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
<i>И.В. Зайцев.</i> Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы московских собраний: итоги и перспективы изучения (опыт справочно-библиографического указателя)	252
Взаимодействие питерских и московских китаистов. Письма П.Е. Скачкова В.С. Мясникову, 1957–1959 гг. Подготовка к изданию <i>В.С. Мясникова</i>	279
РЕСТАВРАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ	
<i>Н.В. Степанова, Л.И. Крякина, Ю.Г. Арчакова, И.Н. Кулешова.</i> Опыт исследования и реставрации экспортных китайских картин на тетрапанаксе бумажном из коллекции художественного фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН	289
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>И.В. Кульганек.</i> Вторые Доржиевские чтения «Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство» (Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2006 г.)	298
<i>Т.В. Ермакова.</i> Годичная научная сессия СПбФ ИВ РАН 2006 г.	301
<i>З.А. Юсупова.</i> Заседание, посвященное памяти М.Б. Руденко (1926–1976)	302
РЕЦЕНЗИИ	
Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития (<i>Т.В. Ермакова</i>)	303
<i>Е.В. Бойкова.</i> Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. (<i>Т.И. Юсупова</i>)	305
IN MEMORIAM	
Лев Серафимович Савицкий (1932–2007)	308
Ордихан Джасмович Джалилов (1932–2007)	310

Б.В. Норик

Кати'и Харави и его антология поэтов императора Джахангира

Начиная изучать литературные связи Ирана, Мавераннахра и Индии, исследователь обнаруживает весьма значительное число источников, большая часть которых до сих пор остаётся практически не исследованной. К числу таких источников относится литературная антология (*тазкира*) «Маджма' аш-шу'ара-йи Джахангиршахи» (مجمع الشعرای جهانگیرشاهی — «Собрание поэтов шаха Джахангира»).

Автором *тазкира* является некто Кати'и Харави (قاطعی هروی). Таки ад-Дин Аухади (تقی الدین اوحدی) в своём сочинении «'Арафат ал-'ашикин» (عرفات العاشقين) оставил едва ли не единственную памятку о нашем авторе:

مجموعه حالات هنرمندی، خطیر قدری در آن دلپسندی، قاطع بوادی صوری و معنوی، مولانا قاطعی هروی، مردی بود باقسام هنر آراسته و از لوث معایب پیراسته، با کمال جامعیت و متانت آمده، در تذهیب و مجلدی و رنگ آمیزی و غیرهم بغایت استاد گردیده و مجمع الشعرا نوشته بود مشتمل بر احوال متوسطین و متأخرین و بعضی از آن بنظر مخلص رسیده و وی تا غایت در آگره موجود بود، و گاهی ویرا میدیدیم، از عمرش یکصد و سه سال گذشته بود، اما هنوز بنیه قوی داشت، و تردد بفرغت میکرد، و در ملازمت جهانگیر پادشاه می بود، و خدمت پدر و جد ایشان کرده، در اول هزار و بیست و چهار در گذش².

«Собрание экзотических состояний в искусстве, достойный уважения за те похвальные качества, решительный³ на пути внешнего и внутреннего, маулана Кати'и Харави. Он был человек, украшенный различными искусствами и совлекший [с себя] грязь пороков. Оказавшись крайне разносторонним и настойчивым, он стал совершенным мастером в орнаменте, переплётном деле, раскрашивании и других [ремёслах]. Написал „Маджма' аш-шу'ара“, включающее в себя биографии „средних“ и „поздних“ [поэтов], некоторые из которых достигли моего взора. Он до самого конца находился в Агре, и мы иногда видели его. Ему исполнилось сто три года, однако же он по-прежнему обладал крепким телосложением, спокойно передвигался и пребывал на службе у падишаха Джахангира, [прежде] послужив его отцу и деду. Умер он в начале 1024 [г.х.].»

Из этого сообщения мы узнаём о годе смерти Кати'и (1024/1615), а также о том, что наш автор прожил как минимум сто три лунных года (судя по контексту, до своего сто четвёртого дня рождения он не дожил). Таким образом, скорее всего, Кати'и

¹ Сочинение начато в 1022/1613–14, завершено в 1024/1615 г. в Агре. Это одна из самых серьёзных и масштабных антологий (написанных за всю историю персидской литературы), включающая в себя памяти более чем о 3300 поэтах, начиная с Рудаки и заканчивая поэтами Джахангира (правил 1013–1037/1605–1627). Автор использовал огромное количество источников и, что самое главное, ссылаясь на них по ходу изложения материала. Одним из существенных достоинств антологии является довольно ответственное отношение автора к датировке (См.: *Гулчин-Маани А. Та'рих-и тазкираха-йи фарси. Джилд-и дувум. Тихран, 1350/1971. С. 3–21* (далее: *Гулчин-Маани*); см. также: *Storey C.A. Persian Literature. A Bibliographical Survey. Biographies. Vol. II. P. 2. L., 1953. P. 810–811*).

² Цит. по: *Гулчин-Маани. С. 142–143*.

³ Здесь обыгрывается поэтическое прозвище (*тахаллус*) нашего автора — «Кати'и», т.е. «решительность». Вообще же, *тахаллус* «Кати'и» указывает на то, что его обладатель был резчиком из бумаги (قاطع).

Харави родился в 921/1515 г. в Герате. В связи с этим уже не вызывает удивления рассказ о Хурде Макка⁴, в котором, повествуя о том, как он приехал в Кабул, как поселился у Хурда и как последний сделал его *мутавалли* построенной им *мадраса*, Кати'и отмечает, что прибыл он ко второму правителю династии Великих Моголов — Хумайуну (правил 937–947/1530–1540; 962–963/1555–1556)⁵. Следовательно, ко времени своего прибытия он уже должен был достичь совершеннолетия. Поэтому здесь, скорее всего, речь идёт о периоде изгнания Хумайуна. Последний же в период с 1545 по 1550 г. четыре раза захватывал Кабул. Видимо, в это время Кати'и прибыл к правителю и некоторое время состоял у него на службе. Шах пожаловал ему *джагир*⁶, а *хваджа* Хусайн Марви⁷, один из приближённых Хумайуна, подарил нашему автору деревню из своего *джагира* (КХ. Л. 996–100а).

К сожалению, наш автор ничего не сообщает о своих родителях. Он мимоходом упоминает, что его деда звали *мулла* Камал ад-Дин Хусайн: это следует из рассказа о *хвадже* Хурде Макка, бывшем с Камал ад-Дином в братских отношениях. Однако никаких подробностей об этом наш автор не сообщает, несмотря на то что с *хваджой* они общались довольно долго и тот, наверняка, предавался воспоминаниям [КХ. Л. 596]. Судя по всему, Кати'и был родственником Абу Насра Фарахи⁸. Он сам

⁴ *Хваджа* Хурд Макка (خواجه خرد مکه) был родом из Герата. Он отправился в Мекку и некоторое время жил там, совершив 12 *хаджжей*. Путешествовал по Йасрибу и Бата'их. Наконец приехал в Кабул и поселился в Бини Хисаре (بني حصار), одном из садов недалеко от Кабула. Построил *ханака*, *рибат* и мечеть. Хумайун посылал ему щедрые дары, но тот всё раздавал *дарвишам* и студентам. В «дни благословенные» присутствовал на *маджлисах* у государя. Сочинял много стихов, но не собирал их. Кати'и приводит *кит'а* Хурда в наставление чистым юношам:

خواهم که بآن تازه گل از روی نصیحت گویم که با هر خس و خار ننشیند
اما بطرفی که ز ما خاک نشینان بر خاطر او همچ غباری ننشیند

Хочу этому свежему ростку в наставленьи

Сказать, чтоб не восседал он с нечестивцами.

Но так, чтобы [и] от нас обездоленных (досл.: сидящих на земле),

На разум его не осело ни пылинки [КХ. Л. 58а—60а].

⁵ Кабул был для Хумайуна знаковым городом. Здесь он родился 4 зу-л-ка'да 913/ 6 марта 1508 г. Сюда он был назначен номинальным правителем в 923–24/1517–18 г. В этом городе в *сафаре* 932/ декабре 1525 г. он присоединился к своему отцу, отправившись на завоевание Индии (*Digby S. Humayun // EI*).

⁶ *Джагир* (جاگیر) — то же, что *икта* ' (اقطاع), т.е. «передача государством права получения хараджа с определённой территории» (*Большаков О.Г. Икта' // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 94*). Термин *джагир* получил распространение во второй половине XVI в., вскоре полностью вытеснив термин *икта* ' в исторической литературе индийского круга (См.: *Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.)*. М., 1965. С. 130–131).

⁷ *Хваджа* Хусайн Марви (خواجه حسین مروی) родился в Мерве. Во времена 'Абд Аллаха II (правил 991–1006/1583–1598) уехал в Бухару и там получил образование. Он был учеником Мир-'Али Харави и проявил себя в искусстве письма красками (*рангнависи*). Занимал особое положение среди приближённых Хумайуна. Последний частенько говаривал: «*Хваджа* Хусайн — изюминка нашего *маджлиса*». В конце концов Хусайн уехал в Агру и был удостоен приёма у Акбара. В Агре Хусайн построил дом и устраивал там *маджлисы*. У него было 70 или 80 *лакхов* (1 *лакх* = 100 000) земли, поэтому он щедро дарил своим друзьям целые деревни. Хусайн Марви составил *диван*, переписанный Миром Куланги (КХ. Л. 99а–100а).

⁸ *Шайх* Абу Наср Фарахи (شیخ ابو نصر فراهی), по преданию, родился слепым. Во времена монгольского нашествия жил в Систане. Умер в 640/1242–43 г. Является автором книги «Нисаб ас-субйан» (نصاب الصبیان), представляющей собой написанную разными размерами стихотворную поэму из 200 *бейтов*. Эта книга использовалась в качестве учебного пособия по арабскому языку для детей и в последующие времена вызвала многочисленные подражания. Кати'и пишет, что для описания всех достоинств Абу Насра ему не хватает «длины языка» (در تعریف ایشان زبان قصیر است), и приводит его *кит'а* о сроках правления праведных *халифов*:

صدیق و تقی سه ماه و دو سال بر مسند شرع پیشوا ب
ده سال خلیفه بوده و شش ماه فاروق که حاکم قضا بود
عثمان زکی دوازده سال بر اهل صباهه مقتدا بود
شش سال و چهار ماه دیگر ایام علی مرتضی بود

пишет: «و فقير را بآن بزرگوار نسبت هم هست». Кати'и посещал его могилу в Фарахе, где прожил четыре месяца. Там наш автор общался с местными учёными, в том числе с Кази Абу-л-Барака (قاضى ابو البركه)⁹, Мир-Касимом Латифа (مير قاسم لطيفه) и *хваджой* Хафизом Диваном (خواجه حافظ ديوان), с землевладельцами *хваджой* Мухаммад-Йусуфом и *хваджой* Мухаммад-Баки, а также с местными правителями Хусайн-султаном¹⁰ и Санджар-султаном [КХ. Л. 316–326]. Родственником Кати'и был Мухаммад-Мирак-мунши (محمد ميرک منشى)¹¹. Иногда они читали друг другу *gazali*.

С детства полюбив искусство, Кати'и большую часть жизни провёл в чтении книг, не ограничившись совершенствованием в одной лишь поэзии. Всюду, где появлялся известный преподаватель, он шёл к нему в поисках знаний [КХ. Л. 1216]. Главным наставником Кати'и был *маулана* Касим¹², ученик Касима Кахи¹³. В то же время Кати'и мог встречаться с самим Касимом Кахи (тем более что Кахи состоял на службе у Хумаюна в Кабуле). Так, в рассказе о Тархане¹⁴ наш автор пишет, что однажды

Правдивый *Сиддик* (= Абу Бакр) два года и три месяца

Являлся предводителем в делах *шари'ата*.

Десять лет с половиной был *халифом*

Фарук (= 'Умар), управляющий роком.

Неповторимый 'Усман двенадцать лет

Был наставником своим последователям.

Шесть лет и ещё четыре месяца

Длились дни 'Али *Муртазы* [КХ. Л. 316–326].

⁹ Автор «Хафт Иклим» (зак. 1002/1593–94 г.) упоминает некоего Кази Барака (قاضى برکه) из Фараха, отмечая, что тот был красноречивым и просвещённым человеком. Больше никаких сведений о нём Амин б. Ахмад Рази (امين بن احمد راضى) не сообщает и приводит логогриф (معما) Кази Барака на имя «دارا» — единственный образчик поэтического творчества Кази, который ему удалось раздобыть. Приведённый логогриф Амин достаточно подробно разъясняет (ХИ. Л. 140аб). В то же время в Самарканде был *кази* Абу-л-Барака, писавший стихи с *тахаллусом* «Фираки» (فراقى). Хасан Нисари говорит, что в юности Абу-л-Барака приехал в Герат, где прославился своей развращённостью. Потому-то Наваи ничего и не написал о нем в своём *тазкира*. Сам Нисари очень высоко оценивает его способности и говорит, что Фираки писал красивые *gazali* и блестящие оды, и приводит *матла'* его ответа на одну из *касид* Салмана Саваджи (МА. С. 188).

¹⁰ Имеется в виду Хусайн-Султан афшар, правитель Фараха при шахе Исма'иле II (1576–1577). Погиб в сражении в 988/1580 г.

¹¹ Мухаммад-Мирак-мунши, родственник Мира Йунус-'Али (مير يونس على), по происхождению был гератцем. Занимал высокую должность при дворе *шаха* Акбара. Много сочинял, в поэзии обладал своим стилем. Составил *диван* стихов (КХ. Л. 1136). Мутриби упоминает о Мухаммад-Мираке-мунши, который происходил из Самарканда и на 1013/1604–05 г. был *мунши* Вали-Мухаммад Бахадур-хана (правил 1015–1019/1606–1611) в бытность того в Балхе (ТШ. Л. 142аб).

¹² Муллу Касима Хабиса (ملا قاسم خبيشه) называли «Таййиб» (طيب), поскольку «от его стихов веет розовым ароматом». Будучи учеником *маулана* Касима Кахи (قاسم كاهى), Касим Хабиса слыл очень порядочным человеком. Кати'и описывает его как великого праведника и отмечает, что его *лакаб* «хабиса» («прохвост») далёк от истины. «В сущности, он является вместилищем чудес и диковинок». Касим был сведущи в гармонии, играл на музыкальных инструментах и пел. Был прекрасно знаком с учением о ритме, двенадцати *макамах* и шести кругах [КХ. Л. 40а–42а].

¹³ Касим Кахи (قاسم كاهى), полное имя Абу-л-Касим Наджм ад-Дин Кабули (ابو القاسم نجم الدين كابللى), родился в 868/1463 г. под Самаркандом и умер в 989/1581 г. в Агре. Известный поэт-мистик и учёный, учившийся в Герате у 'Абд ар-Рахмана Джами (817–898/1414–1492). Был любимым поэтом Хумаюна. Стихи его отличались простотой стиля. По мнению Г.Ю. Алиева, поэзия Кахи «оказала весьма серьёзное влияние на формирование литературных вкусов XVI в.» (Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. М., 1968. С. 105).

¹⁴ Нур ад-Дин Мухаммад-хан Тархан (نور الدين محمد خان ترخان), известный как «Хаким-и сафидун» (حاکم مسفيدون), не являлся потомственным *тарханом*. Таковым его сделал Акбар. Он был покровителем поэтов и сам писал стихи с *тахаллусом* «Тархан», составив поэтический *диван* (КХ. Л. 886–896). Бадауни отмечает, что Тархан писал под псевдонимом «Нури», но под конец жизни зарёкся сочинять стихи. Автор «Мунтахаб ат-таварих» поясняет, что своё прозвание «Сафидун» Тархан получил по названию деревушки в окрестностях Сирхинда (سرهند), несколько лет бывшей его *джагиром*. Умер он в Дели в 994/1585–86 г. (The Muntakhab al-Tawarikh of Abd al-Qadir bin-i-Maluk Shah al Badaoni. Vols. II–III. Calcutta, 1965, 1969. Vol. III. P. 157, 197. Далее — *Badaoni*, II, III).

тот был приглашен в сад Касима Кахи, где общался с *ахундом* и его учениками. Тех из учеников Кахи, кто сочинял стихи, Тархан щедро награждал. Кати'и пишет, что он тоже послал ему *касиду* — разумеется, не ради получения вознаграждения, но для того, чтобы услышать суждения о своём стиле и использовании образов. Все друзья (یاران), услышав его *касиду*, похвалили её, а Тархан не удержался и послал-таки Кати'и в награду отрез дорогой ткани (КХ. Л. 89аб). Здесь не вполне ясно, присутствовал ли наш автор на этом *маджлисе* или нет. Хотя использование глагола «посылать» скорее свидетельствует в пользу того, что об этом *маджлисе* Кати'и узнал от своего наставника Касима Хабиса. Тем не менее нет сомнения в том, что между кругом учеников Касима Кахи и Кати'и существовала тесная связь.

Одним из учителей Кати'и был *мулла* Нийази¹⁵, которого следует отличать от Нийази Астрабади¹⁶: наш автор отмечает, что однажды первый послал последнему несколько своих *газелей* и предложил ему самому поставить там *тахаллус* (КХ. Л. 100а–101а).

Кроме того, Кати'и был знаком с Челеби 'Аллама¹⁷ [КХ. Л. 31аб] и дружил с Мухсином Кабули (محسن کابلی)¹⁸. Наш автор, как и Ашраф-хан¹⁹, учился у Муллы Дуста Салмана (ملا دوست سلمان) [КХ. Л. 456–466].

Какое-то время Кати'и состоял на службе у Байрам-хана²⁰ в Кандахаре (Байрам-хан правил городом с 952/1545 по 961/1554 г.). Там он общался с *хакимом* (врачом)

¹⁵ Бадауни пишет о нём: «Корень его из „страны славной“ Наджжар, но древо его бытия — мерзость, бесстыдство, враждебность и доказательство сущности ремесла поэта». Он был сведущ в 'арузе, логогрифах и искусстве излагать стихами даты (*та'рих*). По этим отраслям знания он написал ряд трактатов. На первом же *маджлисе* у Акбара (правил 963–1014/1556–1605) он очернил поэта Бикаси (بيکسی) и *хаджу* Хусайна Марви (см. выше), вызвав недовольство правителя. Умер поэт в Татте (*Badaoni*, III. P. 362–363).

¹⁶ Маулана 'Али Нийази Астрабади (مولانا علی نیازی استرآبادی) — родился в Астрабаде. Был сведущ во всех науках. Слава о нём дошла до Тахмаспа и тот потребовал его к себе. Когда Нийази вошёл в *маджлис*, Тахмасп экспромтом произнёс *мисра*: 'ملا علی نیازی ام — «Пришёл Мулла 'Али Нийази». Тот отвечал *бир дерке шахе газы амд* — «Во дворец шаха-борца за веру». Так они произнесли около 12 *бейтов* (Кати'и приводит ещё один *бейт*). На некоторое время Нийази стал постоянным участником *маджлиса* (مجلسی) шаха. Составил *диван*. Кати'и располагал только двумя *бейтами* Нийази, их и привёл (КХ. Л. 100а–101а).

¹⁷ Челеби 'Аллама (چلبی علامه) из Ирака. Уехал учиться в Рум, потом перебрался в Индию и поступил на службу к Акбару, который, присмотревшись к нему, назначил на должность *кази*. Ум его был несколько «разбросан» (بماعت پریشان), по-видимому, вследствие употребления опия. Кати'и приводит лишь один *бейт* Челеби [КХ. Л. 31аб].

¹⁸ Мулла Мухсин Кабули (ملا محسن کابلی) родился в Кабуле. Его отец Мулла Дуст был неподражаемым *'улемом* и участником *маджлиса* Хумайуна. С самого детства отец водил Мухсина на *маджлис* к падишаху. В духовных науках Мухсин был учеником 'Ала ад-Дина Лари (علا الدین لاری) и ходил к нему в *мадраса* в Агре. Часто заходил к Кати'и. Долгие годы они жили под одной крышей. Мухсин является автором двух *диванов* и *шарха* на *рисала* Мир Хусайна Му'аммаи, в котором он упомянул имена некоторых учёных, в том числе и Кати'и. Последний приводит *мувашишах ал-атраф* Мухсина на имя нашего автора (7 *бейтов*). Мухсин обладал хорошим вкусом, стихах его, по мнению Кати'и, полны смысла [КХ. Л. 37а–38а].

¹⁹ Ашраф-хан (اشرف خان) происходил из гератских *саййидов* (или из мешхедских, см.: An Oriental Biographical Dictionary, Founded on Materials Collected by the Late Thomas William Beale. L., 1894. P. 82, далее *Beale*). Был сведущ во многих науках. Владел искусством каллиграфии и писал «семью *каламачи*». Он был бесподобным *муниши*. По словам Кати'и, в *наске* он был не меньше известного арабского каллиграфа Йакута (618–698/1221–1298), в *сульсе* — равен 'Абд Аллаху Таббаху (عبد الله طباح) (814–880/1412–13 — 1475–76), в *рейхане* он превосходил Йакута. В конце концов Ашраф приехал в Индию и поступил на службу к Акбару, получив должность *мир-и муниши*. Большинство *фирманов*, написанных в Индии, выполнены его рукой. У Кати'и имелся один *фирман*-прошение, написанный Ашрафом для Нийази. С точки зрения стиля этот *фирман* идеален. Во всех областях Индии Ашраф-хан построил дома, часть из которых перешла к его детям. Кати'и приводит два *руба'и* и одно *матла*' Ашрафа (КХ. Л. 456–466). Умер Ашраф-хан в 983/1575 г. (см.: *Beale*. P. 82).

²⁰ Байрам-хан (بیرم خان), известный как *Хан-и Ханан* (خانخانان). Ближайший сподвижник Хумайуна и наставник Акбара, который уважительно называл его *Хан-баба* (خان بابا). Сыграл огромную роль в восстановлении и поддержании власти Великих Моголов над Индией. В 961/1554 г. был назначен главнокомандующим могольской армией. В результате дворцовых интриг Байрам-хан был изгнан и убит на пути в *хаджж* в 968/1561 г. (см.: *Bazmee Ansari A.S. Muhammad Bayram Khan // EI*).

‘Айн ал-Мулком (حكيم عين الملك) и его отцом. Оба эти выходца из Шираза были прекрасными офтальмологами и хирургами. Наш автор пишет, что они с *хакимом* много времени проводили в библиотеке, расположенной неподалёку от ханской резиденции и нередко запросто общались с наведывавшимся туда Байрам-ханом. Кати‘и отмечает, что в ту пору на службе у Байрам-хана состояло немало талантливых людей, среди которых он выделяет Пир-Мухаммад-хана Ширвани (پير محمد خان شروانى)²¹ и Мир-Хади Систани (مير هادی سیستانی) [КХ. Л. 51а]. В Кандахаре Кати‘и прожил шесть лет и всё это время тесно общался с Мир-Джаном Сиййаки (میر جان سیاقی), *бахши* (уйгурским письмоводителем) и доверенным лицом Байрам-хана²². Вполне вероятно, что по его рекомендации он и был удостоен чести послужить «хану ханов», тем более что, как пишет наш автор, Сиййаки был его родственником [КХ. Л. 33а]. Однажды на *маджлисе* Мухаммад-Садик-хана (محمد صادقخان) нашему автору прочли *матла*‘ Мир-Джана, пользовавшегося огромной известностью:

سینه تنگم که جا دارد غم جانان درو جای آن دارد که از شادی ننگد جان درو
В мою тесную грудь, в которой помещается печаль о возлюбленной,
Может статься, от радости не вместится душа.

Все утверждали, что ответ на это *матла*‘ написать невозможно. Тогда наш автор возразил, что у поэта Газали (*малик аш-шу‘ара* Акбара) есть *матла*‘ гораздо лучше:

چرخ فانوس خیال و عالم حیران درو مردمان چون صورت فانوس سرگردان درو
Вращается лампа волшебная (= небосвод), а мир блуждает в ней,
Бродят по нему народы, словно портреты из лампы²³.

Присутствовавшие на *маджлисе* отдали предпочтение Газали [КХ. Л. 33а].

Некоторое время наш автор жил в Кабуле, о чем свидетельствует его рассказ о *хвадже* Хурде Макка, в *мадраса* которого Кати‘и поселился. Иногда к нему заходили его друзья Мир-Амани²⁴, Турди (о нём см. ниже) и Мулла Васили²⁵. Здесь они сочиняли и декламировали свои стихи, но порой этому занятию мешали доносившиеся до них неприятные голоса торговцев близлежащего базара, живших в этом *мадраса*.

²¹ Бадауни, автор «Мунтахаб ат-таварих», весьма не лестно отзываясь о нём. Отметив его ум и природную сообразительность, он говорит, что Пир-Мухаммад был человеком жестокосердным и не подчиняющимся приказам. Придя из Ширвана в Кандагар к Байрам-хану, он приобрёл известность. После завоевания Индии он сначала получил должность *хуттаб-и хани*, а затем *насир ал-мулк* и 3–4 года жил припеваючи. Однако он был притеснителем и посему его век был недолог. В конце концов в месяце *джумада-л-аввал* 969/ январь–февраль 1562 г. он утонул в реке Нарбада (نریده) (совр. Нармада) в Мальве (к северу от Декана), «припкнув к фараону в [реке] Нил, [протекающей] в аду» — «воздыхания сирот, униженных и пленённых сделали своё дело». Бадауни отмечает, что видел Пир-Мухаммада издали, но, к счастью, не участвовал в его *маджлисе* (Badaoni, II. P. 50–51; Badaoni, III. P. 156).

²² Бадауни пишет, что однажды Байрам-хан отправил Сиййаки семь тысяч рупий в качестве пожертвования на гробницу имама Резы, но тот всё растратил. Умер Мир-Джан в 974/1566–67 г. (Badaoni, III. P. 241).

²³ Ср. این چرخ فلک که ما در او حیرانیم فانوس خیال از او مثالی دانیم
خورشید چراغ دان و عالم فانوس ما چون صوریم کاندان آن حیرانیم
Сие вращенье небосвода, в котором мы блуждаем,
Мы фонарю волшебному его уподобляем.
Солнце — это светильник, а мир — фонарь,
И как изображения мы по нему плутаем.

[Хайам У. Руба‘ийат-и Хайам. Ба тасхих, мукаддима ва хаваши-йе Мухаммад ‘Али Фуруги ва Касим Гани. Бе хамрох-е тардждама-йи инглиси-йе Фитцджералд. Тихран, 1378. С. 147].

²⁴ Автор «Хафт Иклим» кратко упоминает о двух «Мирах» Амани (امانی میر), имевших отношение к Кабулу. Первый из них помещён в главе, посвящённой Кабулу: этот Мир-Амани был приятным собеседником; он погиб в 981/1573–74 г., упав с лошади. Другой Мир-Амани происходил из Герата, но большую часть времени жил в Кабуле (ХИ. Л. 276б, 298б).

²⁵ В «Хафт Иклим» есть памятка о Васили (واصلی) из Кабула, обладавшем дервишеским складом. Он любил сочинять и собирать стихи (ХИ. Л. 276а).

Тогда между ними возникали словесные перепалки. Но Хурд не поддерживал ни одну из сторон, и в итоге скандал «сходил на нет» (КХ. Л. 59аб).

Кати'и состоял на службе у Бахадур-хана²⁶ и пользовался его исключительным расположением. В подтверждение этому наш автор приводит рассказ о том, как однажды ночью он вместе с двумя своими неразлучными друзьями, также весьма близкими к Бахадур-хану, Тахиром 'Алави и Мухаммад-Касим-ханом²⁷, явился к нему. Но Бахадур спал. Тогда эти трое молодых людей обосновались в харчевне, расположенной неподалёку от дома хана. Заскучав, они попросили Мухаммад-Касима их повеселить. Тот взял в руки 'ушишак'²⁸ и по всему кварталу разнеслась прекрасная мелодия, а Тахир 'Алави прочёл под эту музыку несколько *бейтов*. Все присутствовавшие рыдали. От звуков 'ушишака проснулся хан и потребовал всех троих к себе. Пирושка продолжилась. Изрядно выпив, хан взял в руки конфету и стал её подбрасывать. В итоге эта конфета досталась, конечно же, Кати'и, который тем самым был выделен из числа прочих любимцев (КХ. Л. 82а–83б).

Некоторое время Кати'и был *нукером* Мирзы Хиндала (هندال), наиболее лояльного из всех братьев Хумайуна, в Газне. Когда последний погиб и Газна отошла к Акбару, *нукеры* Хиндала перешли к нему. Наш автор пишет, что в ту пору он собирался совершить *хаджж*, но, совершил ли он его, неизвестно. Мы только можем предположить, что, оказавшись в поле зрения правителя и зная династию Великих Моголов в 1545 г., после 21 зу-л-хиджжа 958/ 21 ноября 1551 г. (т.е. даты гибели Мирзы Хиндала), наш автор в числе прочих оказался на службе у Акбара, вместе с которым в 965/1558 г. он переехал в Агру, где и обосновался до конца своих дней (КХ. Л. 75аб).

Наш автор нередко посещал литературные *маджлисы*, устраиваемые сановными покровителями поэзии, и был на них весьма активен. Об этом свидетельствует его рассказ о своей ссоре с собственным другом Турди Руда (تردی روده)²⁹ на одном из литературных *маджлисов* Бахадур-хана. На упомянутом *маджлисе* было прочитано

²⁶ По всей видимости, имеется в виду Мухаммад-Са'ид (محمد سعيد), брат 'Али-Кули (علی قلی) по прозвищу Хан-и Заман (خان زمان). Братя были сыновьями Хайдар-султана-узбека (حیدر سلطان اوزبک). Они присоединились к Хумайуну после его возвращения от шаха Тахмаспа, став активными участниками всех сражений этого Великого Могола. В Кандахаре, скорее всего, и пересеклись пути Кати'и, Байрам-хана и Бахадур-хана. В конце концов братья подняли бунт против Акбара и в 984/1576–77 г. были казнены. Амин б. Ахмад Рази отмечает, что, хотя оба брата обладали поэтическим талантом, Хан-и Заман всё же был более одарённым поэтом и писал стихи с поэтическим прозвищем «Султан» (ХИ. Л. 211б–212а; см. также: *Badaoni*, III. P. 238–240).

²⁷ Мухаммад-Касим Кухбар (محمد قاسم کوه بر) происходил из чагатайского племени. Известный музыкант, великолепно владевший теорией музыки. Сочинял музыкальные *таснифы*. Писал стихи с *тахаллусом* Сабри (صبری). Занимал должность *мир-и саз* (میر ساز) при дворе Хумайуна. Его брата звали Хайдар-Касим (حیدر قاسم) (КХ. Л. 82а).

²⁸ Ни в одном из доступных словарей мне пока не удалось обнаружить хоть какое-нибудь определение 'ушишака как музыкального инструмента. Однако, основываясь на том, что при описании ладовой системы (*макамы*) в качестве основы используется звукоряд 'уда (лютни), а лад (*макам*) 'ушишак является основным в системе двенадцати *макамов*, можно предположить, что 'уд нередко называли 'ушишаком.

²⁹ Возможно, имеется в виду Турди Балхи (تردی بلخی), о котором пишет Мутриби. Этот поэт взял в качестве псевдонима для своих стихов собственное имя. Хваджа Факир Диван рассказывал, что однажды Турди съел за день *манн* (видимо, имеется в виду *манн-и Акбари* = 25, 155 к. См.: *Хинц В.* Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю.Э. Брегеля. М., 1970. С. 32) мяса и умер. Стихи Турди писал хорошо. Мутриби приводит *рубай* поэта [ТШ. Л. 217б–218а]. По словам Кати'и, Турди был учёным из Мавераннахра, блиставшим на *маджлисах* Акбара в Агре. Турди составил *диван*, а также написал трактаты во многих отраслях науки. Кати'и говорит, что у Турди Руда много стихов, но приводит лишь четыре *бейта* [КХ. Л. 50аб]. Бадауни пишет, что Турди служил «Мирзам» (میرزایان). Так называли дальних родственников шаха Акбара, бывших потомками старшего сына Тимура, 'Умар-Шайх-мирзы (عمر شیخ میرزا). Сам же Акбар был потомком третьего сына Тимура, Джалал ад-Дина Миран-шаха (جلال الدین میرانشاه). Из шести братьев-«мирз», четверо восстали против Акбара. К ним присоединились два сына старшего из братьев, Улуг-мирзы (الغ میرزا) (см.: *Badaoni*, III. P. 201; *The Cambridge History of India*. Vol. IV. Dehli, 1957. P. 94).

му'амма Нийази. Турди не понял тонкого смысла загадки и стал её критиковать. И по юношеской вспыльчивости Кати'и сказал, что Турди не лишён некоторой глупости. Последний начал яростно спорить. Кати'и сказал, что тот не владеет искусством спора. Турди ещё пуще стал ругаться. Тогда Кати'и, обыгрывая поэтическое прозвище своего друга, сказал: «Берегись, мулла! За это мы выпустим тебе кишки (روده ها)». Его друзья весьма удивились. Ошарашенный Турди так и остался сидеть на своём месте. Хан сказал: «Мулла, Кати'и — хороший ученик Нийази. Му'амма — ниже положения Муллы Кати'и (معما دون مرتبه ملا قاطعی است)». Продолжая спор, Кати'и привёл цитаты о му'амма Джамии («Му'амма подобно иголке, упавшей в стог сена. Когда после долгих усилий и тягот эту иголку найдут, то [оно] окажется лёгким») и Зайн ад-Дина Махмуда ал-Кавваса («Наука о логогрифах подобна тому, как принимают в расчёт свинью: лошадь падёт, стрелы изломаются, лук износится, тогда и убитая свинья пойдёт в дело»). Услышав эти цитаты, Турди вскопился, заключил Кати'и в объятия и возопил: «Истинно». Потом попросил прощения [КХ. Л. 496–506].

Как и многие другие, Кати'и собирал образцы каллиграфии. Так, у него был образец *дивана*, переписанного рукой Мира Куланги³⁰. В бытность же свою в Герате наш автор был счастливым обладателем нескольких книг, переписанных двумя известными мастерами — Даури Харави и Султан-Махмудом Турбати³¹ (в их числе: «Хусрав ва Ширин», «Гуй ва чауган» и «Йусуф ва Зулайха»).

Судя по тому, насколько редко имя Кати'и встречается в антологиях и поэтических сборниках³², он, скорее всего, не был профессиональным поэтом³³ и писал стихи скорее ради приработка. Так, он иногда подносил *касиды* и *газали* астрабадскому *саййиду* Казизада-йи Кашан (قاضی زاده کاشان), получая за них достойное вознаграждение, поскольку сам *саййид* был хорошим сочинителем *касид* и знал в них толк: Кати'и утверждает, что тот мог сочинить *касиду* в 70–80 *бейтов* и при этом она была

³⁰ Мир Куланги (میر کلنگی) — известный каллиграф, ученик Мир-Али Харави. По своему происхождению он был гератским *саййидом* (О.Ф. Акимушкин установил, что Мир Куланги происходил из Насафа. См.: Акимушкин О.Ф. Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // Акимушкин О.Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. СПб., 2004. С. 377). Когда Абд Аллах II переселял самых одарённых людей из Герата в Бухару, Мир Куланги оказался в их числе. Позднее вместе с Хваджой Махмудом он поступил на службу к Акбару, войдя в число *куттабов* его придворной *китабхана*. Вместе с Миром Даури, Хафизом Мухаммад-Амином и некоторыми другими Куланги занимался изготовлением роскошной рукописи «Кисса-йи Хамза» (حمزه قصه). Вместе с Хваджой Хусайном Марви совершил *хаджж*. В пути он по большей части занимался перепиской *дивана* Хусайна, одна из копий которого и досталась Кати'и. Сам Куланги тоже составил поэтический *диван* (КХ. Л. 466–48а). Мир Куланги является переписчиком редкого сочинения по тюркской поэтике «Фунун ал-балага» (فنون البلاغة) (начато в 840/1436–37 в Самарканде) *шайха* Ахмада б. Худайдада Тарази (احمد بن خديداد طرازی). Рукопись этого ценнейшего памятника была переписана в Бухаре в 989/1581 г. (см.: DeWeese D. The Predecessors of Nava'i in the Funun al-Balaghah of Shaykh Ahmad b. Khudaydad Tarazi: a Neglected Source on Central Asian Literary Culture from the Fifteenth Century // Journal of Turkish Studies. Vol. 29. Festschrift in Honor of Eleazar Birnbaum. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. P. 73–163).

³¹ Даури Харави (دوری هروی) и Султан-Махмуд Турбати (سلطان محمود تربتی) были одними из лучших учеников Мухаммад-Касима Шади-шаха (محمد قاسم شادی شاه). Оба мастера уехали в Индию ко двору Акбара. Даури был назначен на должность *катиб ал-малик*. Погиб во время кораблекрушения на обратном пути из *хаджжа* (КХ. Л. 65а–66б; The Ain-i Akbari, by Abul-Fazl Allami. Ed. by Blochmann. Vol. I. Calcutta, 1872. P. 248).

³² Так, например, ни в одном из 58 поэтических сборников и альбомов, описанных О.Ф. Акимушкиным, не встречается поэт с *тахаллусом* «Кати'и» (см.: Акимушкин О.Ф. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения РАН. Вып. 10: Поэтические сборники, альбомы. М., 1993).

³³ Исходя из *тахаллуса* нашего автора, мы можем предположить, что основным ремеслом его была художественная резка из бумаги (قطعی). Это искусство проникло в Иран из Китая и достигло наивысшего расцвета в эпоху Тимуридов. Таким образом, Герат стал одним из крупнейших центров этого ремесла.

полна смысла [КХ. Л. 53а–54а]. Неизвестно также, составил ли он *диван* стихов. Тем не менее у нашего автора была своя читательская аудитория. Например, *надим* шахского *маджлиса* Мулла Джани (جانی ملا) приглашал Кати'и посетить свой сад в Татте и очень хвалил его стихи (КХ. Л. 95аб). А однажды наставник нашего автора, *маулана* Касим, сочинил *кит 'а-фахриййе*, в котором прославлял поэтов вообще и своего ученика, в частности:

آنکه هم پیرست و هم استاد من در شاعری رتبه عالی است اهل شعر را چون بنگری نسبت شاعر چرا کردند با پیغمبری پرورد در مهد معنی دور چرخ چنبیری بر لبان او لبین ریزد ز مهر مادری همچو فردوسی بود در شعر یا چون انوری معنی رنگین و لفظ خوش ادا می آوری معجز عیسی اگر داری و سحر سامری قدر زر زر گر شناسد قدر جوهر جوهری	دوشم آمد این ندا از قاسم گاهی که گفت پایه شعر ست بالاتر ز هفتم آسمان گر نبودى وحى منزل شعر هم در طور خود سالها باید که طفلى راز انبای زمان مادر ایام هم عمری ز پستانهای طبع تا شود ناطق بسان سعدی و ملاء روم فرض کردم فی المثل چون این بزرگان سخن مر کلام خویش را باید نباشی معتقد تابعی این قطعه را از شخص شاعر طبع پرس
--	--

Вчера донёлся до меня возглас Касима Кахи,
Того, кто мой *nir* и наставник в поэзии. Сказал он:
«Основание поэзии — выше седьмого неба,
Коль взглянешь, у служителей поэзии высокая степень.
Если бы и поэзия не была своего рода ниспосланным откровением,
Зачем поэта отнесли к пророкам?
Годами дитя из [числа] пророков эпохи должно
Вращивать в колыбели смысла вращенье небосвода.
И мать дней (= эпоха) жизнь из грудей природы
[Должна] проливать молоком на его губы в материнской нежности.
Дабы он овладел даром речи подобно Саади и Румскому Мулле,
Был в поэзии как Фирдауси или как Анвари.
Допустил я это для примера. Словно эти великие в слове,
Ты выводил пёстрый смысл и приятную форму.
Ты не должен быть отвержен к собственным речениям,
Если ты обладаешь чудотворениями 'Исы [= Иисуса] и чарами Самаритянина³⁴.
Таби'и, спроси об этом *кит 'а* у человека с поэтическим талантом,
[Ибо] разве золото знает цену золоту, а жемчуг [цену] жемчужины?
[КХ. Л. 41б, 125б–126а],

а Кати'и написал ответное *кит 'а*-антивосхваление:

آورد بابایی فطرت چو نیکو بنگر یا کند یرم نظر یا طبع غرایاوری گر رسانم یک سخن در گوش روح انوری زانکه من نبوده ام در شعر سحر سامری نظم فخریه ازان گفتند اندر شاعری گر بگردد پیر گردون زیر چرخ چنبیری گر ز خاطر رفته باشد مولوی یاد آوری	باشنو ای یار عزیز من اگر یار منی گر رسد فیض الهی در سخن من هم کنم روح خاقانی شود آگاه در ملک سخن گر کنم تعریف شعر خود نباشد هیچ عیب هیچ کس از حالت شاعر نگفتی شمهء کی بیاید جامعی دیگر بمثل من بدهر بسته بودم اسب رهواری گرو اندر سخن
---	---

³⁴ *Сихр-и Самири* (чары Самири / самаритянина) — устойчивый образ в персидской поэзии, означавший ложное чудо, ведущее к заблуждению. В основе образа лежит кораническое повествование о том, как некий самаритянин (*ас-самири*) ввёл в искушение народ израильский, сотворив ему золотого тельца (Коран, 20:85–97; Ср.: Коран, 7: 148–157; Исх. 32). Здесь получается, что Касим истинные чудеса 'Исы приравнивает к ложным чарам Самаритянина (мусульманское предание даёт ему имя Муса б. Зафар), что несколько нехарактерно. Видимо чудеса 'Исы символизируют глубину смысла стихов Кати'и, а чары Самаритянина — внешнее изящество словесного выражения этого смысла.

گر ز نندش بر محک خالص بود این زرّ ناب
شعر من رایج بشهر آمد چو زر جعفری
قاطعی بر نظم درت را به پیش در شناسی
قدر زر گر شناسد قدر جوهر جوهری

Послушай, мой дорогой друг, если ты мне, [конечно], друг!
Коль хорошенько взглянешь, натура несёт [в себе] самодовольство.
Если достигнет [меня] милость Аллаха, я [сам] привнесу [её] в свои слова,
Или наполнит меня зрением или блестящим талантом Помощник.
Духу Хакани станет известным в Царстве слова,
Если я хоть слово доведу до ушей духа Анвари.
Если я прочту свои стихи, нет никакого греха,
Ведь в поэзии я никогда не был чарами Самаритянина³⁵.
Никто ничего не рассказал о состоянии поэта,
Лишь сочиняли себе самовосхваление в поэтическом ремесле.
Кто в веке сем, подобно мне, найдёт иное одеяние,
Если старец рока будет скитаться под небосводом?
Поставил я в заклад на слова быстрого коня,
[На случай] если бы разум оставила память о Маулави.
Если сделать пробу, то это золото будет чистым,
Мои стихи приобрели хождение в городе, подобно золоту Джа'фара³⁶.
Кати'и, в стихах свой жемчуг не считай лучшим:
Разве золото знает цену золоту, а жемчуг [цену] жемчужины?
[КХ. Л. 42а, 126аб].

В седьмом *бейте* этого *кит'а* мы встречаем упоминание о том, что Кати'и поставил в заклад быстрого скакуна. Речь здесь идёт о его *газали* «гичак» (غچک), посвящённой этому музыкальному инструменту, позднее вытесненному скрипкой (*кеманча*), некоторое время также называемой словом «гичак» (в этой *газали* в 1, 2 и 6-м *бейтах* употреблено слово «гичак»). Об этой *газали* Кати'и заключил пари, что написавший так же получит лошадь, а кто не сможет — на усмотрение *шаха* [КХ. Л. 126б]. На страницах *тазкира* Кати'и мы находим шесть *бейтов газали* «гичак»³⁷:

بود غچک چو کمان ابروی که عاشق زار
کشیده در بغل و می نوازش بخمار
غچک مگوی که شاخ گلپست هیات او
که کشته ظاهر از ان شاخ نالهای هزا
نه شاخ گل که بود عاشقی بنطق و بیان
که میکند بزبان سر عشق را اظهار
کمانچه اش چو هلال و کدو چو بدر منیر
ز تار مهر برو بسته است زهره سه تار
طیب عشق چو بر نبض آه نهد انگشت
ز درد عشق بر آرد هزار ناله زار
ز غچکش بتو ای قاطعی چه وصف کنم
ز نالهای حزینش دلم بود افکار

Гичак подобен луку брови, который рыдающий влюблённый
Натянул рядом с собой и томно играет на нём.
Не говори, что *гичак* выглядит как ветка розы,
Ведь из этой ветки появилась тысяча стенаний³⁸.
Не ветка розы. Это рассказывающий влюблённый,
Изливающий любовь языком тайны.

³⁵ Здесь Кати'и, с одной стороны, отказывается от комплимента своего учителя, а с другой стороны, утверждает, что его стихи вдохновлены свыше, его талант от Бога, а не от искусителя.

³⁶ Имеется в виду Джа'фар Бармаки (149–187/766–803), один из сыновей Йахйи Бармаки, *вазира* аббасидского *халифа* Харуна ар-Рашида (149–193/766–809). Джа'фар был активным помощником своего отца. В 176/792 г. он был назначен наместником в западных областях. С этого года имя Джа'фара появилось на монетах. По преданию, до Джа'фара монеты чеканили из нечистого золота. Джа'фар же повелел чеканить монеты из чистого золота.

³⁷ Первый и четвёртый *бейты* этой *газали* приводятся в «Арафат ал-'ашикин» (*Гулчин-Маани*. С. 144).

³⁸ Тюркское слово *кичак* означало горловое рыдание.

Его смычок словно полумесяц, а тыква³⁹ словно сияющее полнолуние,
За струну любви Зухра⁴⁰ повесила на нём свой *sitar*⁴¹.

Когда лекарь любви положит палец на пульс воздыхания⁴²,
От любовной боли он вызовет тысячу горьких рыданий.

Ах, Кати'и! Что рассказать тебе о его *гичаке*?

От его грустных стенаний моё сердце впадает в задумчивость.

Газаль действительно удалась, тем более что наш автор едва ли не впервые использовал этот музыкальный инструмент в качестве главного действующего лица в лирическом стихотворении. Неудивительно, что никто так и не смог сочинить подобную *газаль* [КХ. Л. 126б]. Тогда Кати'и пишет об этом *kit'a*, намекая на то, что лошадь неплохо бы получить ему самому:

بر شاعران دهر یکی اسب راهوار	بستم گرو بگفتن این شعر چون گهر
در گوش بکر فکر بسازند گوشوار	اما بشرط آنکه بانصاف اهل نظم
تشبیه خوب و لفظ چو در معنی آبدار	انصاف را تمیزه سازند و آورند
صد آفرین بگویم و تحسین بشمار	من هم ز روی صدق شوم خاکسار شان
گیرم بحکم شاه یکی است کام دار	ور زانکه دور رفته ز انصاف و از حیا
دارو شد است بر من خاکی خاکسار	حقا که این لالی سیراب بی بها
دارد ز کذب گوئی خود شرم سار	ور نه کجا ست قاطعی و لاف این گزاف

На сочиненье этого жемчужного стиха поставил я в заклад

Поэтам века одну быструю лошадь.

Но при условии, что стихотворцы по справедливости

Соделают мысли серьгами в девственных ушах.

Справедливость сделают чистой и извлекут

Хорошее сравнение и форму, подобную сочной жемчужине,

Я же искренне смирюсь перед ними,

Произнесу сотню похвал и без счёта одобрений.

А если кто отдалится от справедливости и стыда,

Получу я по приказу шаха одну заветную лошадь.

Поистине, эти бесценные утоляющие жажду жемчужины,

Стали лекарством мне смиреннейшему.

Иначе, где Кати'и, а где фанфаронство этого пустого болтуна?

Он будет посрамлён за свои лживые слова! [КХ. Л. 127а].

В своем сочинении Кати'и приводит как минимум 118 *бейтов* своего собственного сочинения, в том числе *газаль* (11 *бейтов*; за неё наш автор был одарен золотом) и три *касиды* (21, 23 и 14 *бейтов*) в честь Джахангира⁴³ [КХ. Л. 122а–125а]. О *газали* автор говорит, что она настолько понравилась *шаху*, что он стал читать её, а один *бейт* даже повторил дважды:

³⁹ Дело в том, что резонатор *гичака* нередко изготавливался из тыквы (а также из кокосового ореха или дерева). Срез резонатора покрывался кожей (см.: *Беляев В.* Музыкальные инструменты Узбекистана. М., 1933. С. 54).

⁴⁰ Планета Венера. Зухра, согласно мусульманскому преданию, была небесной музыкантшей.

⁴¹ Род лютевого инструмента с длинным грифом. Имеет три струны, отсюда и название.

⁴² То есть музыкант ударит смычком по струнам.

⁴³ Нур ад-Дин Мухаммад Джахангир (правил 1013–1037/1605–1627) — четвёртый правитель династии Великих Моголов. Будучи весьма начитанным человеком, хорошо разбиравшимся в искусстве каллиграфии и книжной живописи, он продолжал традицию своей династии покровительствовать учёным и поэтам. Обладал довольно спокойным и мягким характером. Не скрывал своей привязанности к застольям и употреблению опиума (см.: *Bazmee Ansari A.S. Djahangir // EI*).

دل داده ام بزلف و خریدم بالای جان با زلف مشکبار تو سودا نموده ام
 Отдал я сердце за локон и приобрёл несчастья души,
 От твоего мускусного локона я впал в меланхолию
 [КХ. Л. 122a].

Кроме того, наш автор сочинил *kit'a* и *ta'rix* (7 бейтов и 3 бейта), представляющие собой небольшие зарисовки о кубке Джахангира:

کردند مرصع همه با لعل بدخشان	آن شاه جهانگیر بفرمود صراحی
هر در گر انمايه خراجست ز عمان	هر گوهر یک دانه او در یتیم است
یاقوت درو آمده چون کوبک رخشان	فیروزه اورنگ فزوده بزمرد
زان ادمکه خوردند بدلها همه مستان	مستند و فرح جوی حریفان طربناک
چشم مه و مهر است درو خیره و حیران	در بزم جهانگیر که تائیش نباشد
یادم دهد از خضر و لب چشمه حیوان	لب بر لب ساغر چو نهد کاه صراحی
رخساره بر افروخته سازد چو گلستان	آن شاه جهانگیر بهنگام بیاله

Тот шах, захватывающий мир, приказал, чтобы кубок
 Весь украсили бадахшанскими рубинами.
 Каждая частичка его зёрнышка — редкая жемчужина,
 Каждая драгоценная жемчужина — оманский карбункул.
 Бирюза [небесного] престола преумножает изумруд,
 Яхонт в нём оказался подобен сияющей планете.
 Пьяны и ищут веселья ликующие соперники
 От того человека, у которого все вкусили суррогат.
 На пиру Джахангира, подобных которому нет,
 Глаза луны и солнца блуждают в удивлении.
 Когда кубок прикасается губами к губам чаши⁴⁴
 Он напоминает мне о Хизре и берегу источника живой воды.
 Тот шах, захватывающий мир, в пору [питья из] чаши,
 Воспламеняет щёки словно розовый сад.

Ta'rix:

چو بنشست شاه جهانگیر کامل	صراحی بفرمود و ساغر بعشرت
ز لعلی که از معدنش گشت حاصل	جوهر درو درج از هر طرف شد
صراحی شاه جهانگیر عاد	بیانی یقین سال تاري آن شد

Когда воссел [на трон] совершенный шах Джахангир,
 Он повелел для наслаждения [подать] кубок и чашу.
 В него со всех сторон были вставлены драгоценные камни,
 Рубины, добытые на его рудниках.
 Точное изложение даты и года его стало [выражение]
 «Кубок справедливого шаха Джахангира» [= 1009/1600–01 г.].

Из приведённого *ta'rix* следует, что Кати'и поступил на службу
 к Джахангиру за несколько лет до того, как тот взойшёл на трон.

Руба'и о кофе:

چون آب خضر بقهوه دان نهانست	قهوه که پسند خاطر شاه است
دیگش بمثال چشمه حیوانست	شد مطبخ او زدود همچون ظلمات

Кофе, вызывающее одобрение разума шаха,
 Налито в кофейник словно вода Хизра.
 От его дыма повар стал словно тьма,
 [А] котёл с ним подобен источнику живой воды.

⁴⁴ То есть вино переливают из кубка в чашу.

Руба'и о яйце:

بیضه فرمود شاه ابو الغازی حکم آن باعث سر افرازی
بیضه ساخته ز دقت طبع قاطعی کرده سحر پردازی

Повелел подать яйцо шах-борец за веру,

Повеление об этом — причина возвышения.

Состряпал яйцо по тонкости нрава,

Сотворил чудо Кати'и [КХ. Л. 127аб].

На этом *руба'и* текст антологии обрывается. Приведённые стихи показывают степень зависимости нашего автора от Джахангира, но в то же время и степень близости к нему в последние годы его жизни. Не исключено, что Кати'и принимал участие в воспитании будущего четвёртого императора Могольской империи, хотя в его сочинении намёка на это нет. Последнее *руба'и* даже наводит на мысль о том, что с нашим автором не слишком-то церемонились и, невзирая на возраст и заслуги, могли поручить исполнить самый причудливый каприз правителя.

Именно Джахангиру посвящена антология Кати'и, включающая в себя сведения о 151 поэте (последний — сам автор сочинения). Этот труд автор создал, уже будучи в преклонных летах (о чём свидетельствуют дата рождения автора, а также его собственные слова во вступлении, где он извиняется за ошибки, допущенные «по старости» [КХ. Л. 5а]). Сочинение называется «Маджма' аш-шу'ара-йи Джахангиршахи» (это название встречается на л. 46–56, а также 100б). Однако в середине л. 3а сочинение аттестуется как «Тазкират аш-шу'ара-йи Джахангиршахи»⁴⁵. На л. 1а в верхнем левом углу имеется запись прежнего владельца «Ousley», а в центре в транскрипции приводится название сочинения — «Tazkirata al Shuarra». На форзаце, по-видимому, европейской рукой написано «تذکره الشعرا جهانگیرشاهی» и «Tazkaratu' al-shura i Jahangir Shahi». На л. 4б, 29б, 30б, 31б, 32б, 43а автор называет свой труд «дафтар-и сиййум-и Тазкират аш-шу'ара-йи Джахангиршахи» (правда, на л. 4б слова «дафтар-и сиййум аз тазкират» пытались зачеркнуть). Иногда автор называет свой труд «Тазкират аш-шу'ара», иногда просто — «дафтар-и сиййум». На л. 43б, 45б — «дафтар-и сиййум-и Джахангиршахи». На л. 62а, 67а, 104а, 105а — «тазкира-йи Джахангиршахи». На л. 64б, 78а, 79б, 86б автор называет свой труд «ин мухтасар». На л. 107а автор говорит, что его труд является конспективным, поэтому он приводит лишь одну *касиду* (*sic!*). В связи с этим можно предположить, что название не играло для автора существенной роли, тем более что фраза «Маджма' аш-шу'ара-йи Джахангиршахи», очевидно, не является хронограммой (поскольку 1560 год хиджры ещё не наступил). Кроме того, дошедший до нас список является третьей частью более объёмного труда Кати'и⁴⁶. Поэтому сказать что-либо определённое нельзя. Видимо, всё основное автор сказал во введении к первому тому.

На л. 3а имеется затёртая печать, под которой приводится *бейт*, свидетельствующий в пользу того, что наш автор до Джахангира служил Хумайуну и Акбару:

همایونی و اکبری و جهانگیرشاهی ترا قاطعی شد خطاب ز ظل آلهی

И Хумайун, и Акбар, и шах Джахангир

Стали для тебя, Кати'и, проповедниками Тени Всевышнего.

На л. 3а–4а приводится генеалогия Джахангира до Карачар-нойона (قراچار نویان). На л. 3б–4б приводится оглавление, список поэтов, упомянутых в сочинении, напи-

⁴⁵ Сам Кати'и, между прочим, говорит, что «всякий, кто знает имена двадцати поэтов, пишет „Тазкират аш-шу'ара“ [КХ. Л. 91б].

⁴⁶ Основываясь на сведениях Таки ад-Дина Аухади, Гулчин-Маани вполне справедливо предполагает, что первая часть была посвящена поэтам Хумайуна, а вторая — поэтам Акбара (Гулчин-Маани. С. 143).

санный, по мнению Эте⁴⁷, более поздней рукой (то, что список был составлен после завершения книги, подтверждает наличие нумерации страниц над именами поэтов. Кстати, эти номера не соответствуют истине). Вступление на л. 5а открывается *бей-том*:

با همه محتاج و عجز و نیاز ساختم از بسمله مفتاح راز
 Со всей своей нуждой, слабостью и необходимостью
 Сделал я *басмалу* ключом от тайны⁴⁸.

Прославление Всевышнего и Мухаммада занимает менее полутора строк, а затем автор сообщает, что «эта третья тетрадь (دفتر)» посвящена поэтам, писавшим в честь Джахангира. Далее следуют пять *бейтов газали* в прославление Джахангира и молитва за него, и с седьмой строки л.ба начинается основная часть с рассказа о Мирзе 'Арабе (مورزا عرب). Каждый рассказ о поэте вводится словами «ذکر خیر» (на л. 114а перед памяткой о Мираке-мунши (میرک منشی) этих слов нет). Цитирование стихов поэтов, которым посвящён раздел нередко вводится *бейтом*:

آنچه ز نظمش دم تقریر یافت این دو سه شعر نیست که تحریر یافت
 То, что из его стихов обрело уста изложения,
 Это — эти два-три стиха, что были записаны.

Или:

آنکه گلزار فصاحت راز شعرش رنگ و بوست و آنکه بازار بلاغت را رواج از نظم اوست
 Он тот, от чьей поэзии луг красноречия [наполняется] цветами и ароматами,
 Он тот, от чьих стихов оживляется базар изящной словесности.

Следует заметить, что памятники о поэтах весьма кратки и в их расположении трудно усмотреть какую-то систему. Вообще, иной раз Кати'и больше говорит о городе, чем о поэте. Нередко больше информации даётся о третьих лицах, а о главном персонаже — три строчки. Когда сведения о персонаже общеизвестны или очень насыщенные, Кати'и отделяется таким *бейтом*:

من که و تقریر کمالات او عاجزم از شرح مقالات او
 Я ничтожнее его достоинств,
 Не в силах я рассказывать о нём.

Или:

لوح طلب کرد و قلم بر گرفت سلسله لوح و قلم در گرفت
 Потребовал он дощечку и взял *калам*,
 Связав воедино скрижаль и перо.

Практически после каждой памяткой о поэте следует молитва о Джахангире или мусульманах (молитва отсутствует на л. 42а, л.73б, 87аб; на л. 95б имеются три кратких упоминания о поэтах, после которых молитвы нет; на л. 45б молитва приписана на полях справа вверх ногами; на л. 86аб сначала идет молитва, а потом примеры

⁴⁷ Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Begun by Prof. Ed. Sachau. Continued, Completed and Edited by Hermann Ethe. Part I. The Persian Manuscripts. Oxf., 1889. № 371. P. 205–206 (далее — Ethe, 1889).

⁴⁸ Ср. с первым *бейтом* «Махзан ал-асар» Низами:

بسم الله الرحمن الرحيم هست کلید در گنج حکیم
 [Фраза] «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» —
 Ключ к сокровищнице Мудреца.
 [Низами Ганджави. Куллият. Тихран, 1381. С. 9]

стихов автора). В молитве, как правило, обыгрывается *тахаллус* поэта или его имя. Так, например, после упоминания о поэте Туфайли следует такая молитва. «آلهی تا طفیلیان بطفیل بزرگان از خوان احسان کریمان بهرومند می شوند عمر و دولت نور الدین جهانگیر عادل» («О, Аллах! Поскольку на хлебники за счёт великих приобщаются к столу милостей щедрых, да будет долгой жизнь и прочным царство Нур ад-Дина Джахангира, справедливого борца за веру»). Отметим, что одной из особенностей антологии является то, что Кати'и обязался не приводить в своём *тазкира хаджвов*, так как «*хаджв* есть сердечная боль» [КХ. Л. 62а].

К сожалению, как уже говорилось, до нас дошёл только третий том сочинения Кати'и, единственный экземпляр которого хранится в Бодлейской библиотеке (Ousley № 186). В рукописи 127 л., по 13 строк на листе, почерк *наста'лик*, размер 23,7×15 см., заметки на полях сделаны той же рукой, что и основной текст⁴⁹. К великой досаде, и этот третий том дошёл до нас в неполном виде — текст обрывается на биографии автора (наличие кустода на последнем листе говорит о том, что дальше текст был). Однако, поскольку текст обрывается на стадии цитирования стихов, мы можем предположить, что больше никаких биографических сведений там не было и мы остались только без заключения и колофона (если таковые автор успел дописать). Переписчиком антологии является сам автор, лучшим доказательством чему служат, по мнению Эте, извинения автора за ошибки, допущенные «по старости» — подобная ремарка уместна только в автографе⁵⁰. Точная дата составления сочинения неизвестна, однако несомненно, что антология была написана в период между датой вступления Джахангира на трон (1013/1605 г.) и датой смерти Кати'и (1024/1615 г.).

Несмотря на то что, пожалуй, наиболее интересные части антологии Кати'и до нас не дошли, его третья часть всё же имеет немалое значение: в ней мы находим сведения об иранских и мавераннахрских поэтах, уехавших в Индию и служивших при дворе Акбара и Джахангира; она же является памятником самому Кати'и Харави как поэту. С учётом того, что большая часть поэтов, упомянутых в антологии, являются выходцами из Ирана, следует заметить, что, пожалуй, несколько большее значение это *тазкира* имеет для изучения ирано-индийских литературных связей. В заключение отметим, что некоторые авторы поэтических антологий позднее использовали сочинение Кати'и (напр., Мир Гулам-'Али Азад Билграми (میر غلام علی آزاد بلگرامی) в своем *тазкира* «Хазана-йи 'амира» (خزانه عامره), закончено в 1176/1762–63 г.).

Список сокращений

- КХ — *Кати'и Харави*. Маджма' аш-шу'ара-йи Джахангиршахи. Фотокопия рукописи Бодлейской библиотеки. Oxf. Ousley № 186
- МА — *Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари*. Музакир-и ахбаб. Ба тасхих ва мукабила ва мукаддима-йи Сайид Мухаммад Фазлаллах. Хайдарабад, 1969
- ТШ — *Мутриби Самарканди*. Тазкират аш-шу'ара. Фотокопия рукописи № 2253 Института Востоковедения Республики Узбекистан
- ХИ — *Амин б. Ахмад Рази*. Хафт Иклим. Рукопись СПБФ ИВ РАН. С. 1795
- ЕI — The Encyclopaedia of Islam. WebCD edition. Brill Academic Publishers. 2003

⁴⁹ См.: *Ethe*, 1889. № 371. P. 206.

⁵⁰ *Ibid.*

Summary

B.V. Norik

Qati'i Haravi and his literary anthology of poets of the Emperor Jahangir

The article is dedicated to one of the less studied literary anthologies (*tadhkira*) written by a professional paper-cutter (*qata'*) Qati'i Haravi in the first three decades of the 17th century in India (Agra). This is the third part of the greater work called *Majma' al-shu'ara-yi Jahangirshahi* (the first and the second parts have not survived). In this article the author tried to reproduce the biography of Qati'i basing on his anthology and to give some examples of his poetry. Qati'i's anthology is very useful for a study of the literary relations between Iran, Mawarannahr and India because many men of letters who immigrated to India from Iran and Mawarannahr are mentioned there.